

Маргарита Александровна Большакова

Заведующая отделом художественной литературы

Я родилась в 1936 году, и когда началась война, мне было 5 лет. До установления блокады мама отправила меня поездом в Ярославскую область. Но когда бабушка пришла с работы и обнаружила мое отсутствие, она поехала за мной и привезла меня обратно, хоть это было очень рискованно. Ехали мы под бомбежками. Когда поезд останавливался, мы бросались под кусты и бабушка закрывала меня собой. В поезде я ела рис в кулечках и запивала морсом, уткнувшись в бабушкин пуховой платок. Мама очень ругала бабушку за ее поступок.

А 8 сентября 1941 года установилась блокада.

Жили мы на Невском проспекте, дом № 180, в трехкомнатной квартире, окна которой выходили на ул. Александра Невского. Сначала шла странная маленькая проходная, потом кухня, в которой стояла одинокая деревянная плита. Но жили мы все в одной дальней комнате, чтобы было теплее. Это была самая большая из комнат, с высокими (3,20 м) потолками. Убранство комнаты было небольшим: у стены стояли большие часы с боем, кафельная белая печь, кресло-качалка, обитая кожей. Окна были заклеены крест-накрест и занавешены черными шторами.

Жили мы пятером: мама, дедушка, бабушка, ее племянница и я. Отца забрали на фронт в 1941 году, где он пропал без вести. Мама работала санитаркой в госпитале в Невской лавре, к которой подходила железная дорога. Выгружали раненых: раны, кровь, пот... Бабушка с дедушкой работали на заводе «Заря», который производил радиоаппаратуру. Племянница шила обмундирование для солдат. Бабушка мне сшила «бурки» из овечьей шкуры, в которых я ходила в детский сад. Вечером, когда была возможность, из детского сада забирал меня дедушка.

Зима выдалась очень суровой. Дед сделал печку – буржуйку, металлическая коробка на ножках. Чтобы согреться, жгли всё: мебель, книги. Однажды от печки отскочила соринка и попала мне в глаз. Всю ночь я мучалась и не спала, только утром мама ее вытащила. С холодом прибавлялся голод. Ели мы дуранду. «Дуранда» – отруби, спрессованные до сухаря горохового цвета. Сосед-татарин продавал колотый овес пополам с кирпичом, который очищали, сушили и варили. Летом еще ездили в поле собирать лебеду для щей.

Днем ходили в булочную за хлебом. По дороге попадались люди, которые везли покойников на санках, покойники лежали в сугробах, завернутые в простыни и перевязанные веревками, везде окна были заклеены крест-накрест. В булочной по карточкам получали свои 125 граммов хлеба. Брели этот тяжелый вязкий кусочек хлеба и маленький довесок и несли домой. Были случаи, когда отчаявшиеся люди выхватывали хлеб прямо из рук.

Услышав вой сирен, в темноте спускались в бомбоубежище на задворках дома, и бабушка меня укутывала всё в тот же пуховой платок.

Осенью 1943 года детский сад был отправлен в эвакуацию по Ладоге, все сидели с кулечками в руках на случай, если кого-нибудь укачает, а за бортом была хмурая свинцовая вода.